

МАЛЫШ, КАК ВСЕГДА, МОЛОД

Она почти не снималась в кино, в театре сыграла не так уж много главных ролей, хотя работала в таких знаменитых спектаклях Театра сатиры, как "Женитьба Фигаро", "Затюканный апостол", "Феномены". Но, ручаясь, не одно поколение зрителей хорошо знает актрису Тамару МУРИНУ, ведь это она уже три десятка лет выходит на сцену в роли Малыша в легендарном спектакле "Малыш и Карлсон". Вместе с лучшим Карлсоном всех времен и народов – Спартаком Мишулиным.

– Тамара, а вас случайно в Книге рекордов Гиннеса нет? Первый раз я смотрела спектакль почти двадцать лет назад со старшим сыном, не так давно с младшим, года через два с внучкой пойду. Уж больно спектакль хорош! И Малыш все такой же...

– Знаете, я и сама иногда не могу поверить в эти даты. Годы промелькнули как один день. А роль все равно не надоедает. Почему? Потому что все эти годы нахожу поддержку зала, в котором больше тысячи ребят, и они искренне верят в меня. Потому что дети во все времена одинаковы, и от одиночества, увы, нынешние страдают не меньше, чем их родители 20 – 30 лет назад. А мой герой дает им надежду и веру: всегда найдется добрая душа, которая не оставит тебя наедине со скукой и страхом, порожденными равнодушием и жестокостью взрослых. Это ключевой драматический момент моей роли. Дети остаются детьми, и у самого благополучного, и у самого несчастного могут быть проблемы. Сверхзадачу я вижу как раз в том, чтобы помочь им пройти этот этап без крупных потерь. Вообще-то "Малыш и Карлсон" – вечное произведение. Потому что затрагивает большую философскую тему бытия человеческого...

– Может быть, успех и долгая жизнь этого спектакля определяют и этим?

– Безусловно. И конечно же, такой материал невозможно было бы играть без моего удивительного партнера – Спартака Мишулина. У него внутри сидит этот Карлсон! У нас настоящее взаимопонимание, мы как бы дышим в две ноздри.

– Мне даже кажется, что мишулинский Карлсон добрее и лучше книжного. Тот, по правде говоря, частенько шокирует своими не всегда добрыми выходками. А ваш – нет...

– Дети охотно и легко идут на розыгрыш, а более сложные эмоции "вынуть" из них бывает ох как трудно. В этом смысле наш Карлсон уникален.

– Я все же одного не могу понять. Откуда вы черпаете силы, эмоции и просто желание играть роль не очень счастливого мальчишки. Откуда эта молодость, эти мальчишеские повадки, подвижность, энергетика?

добра, тем лучше будет ему же. Или так: чем больше отдашь – тем больше получишь.

– У вас что, недоброжелателей нет, что ли? В театре все же работаете. Или всем нищим подаете?

– Враги, наверное, есть. Только

– Понятно, от моих зрителей. Вот случай однажды был. Мальчик принес мне за кулисы торт, потому что Карлсон съел все плюшки, а Малышу ничего не осталось. Причем мальчик посмотрел спектакль один раз, потом попросил мать купить торт и билет на следующий спектакль. Когда он пришел за кулисы, я уже успела снять парик, и он меня не узнал. Я не стала его разубеждать, а мальчик поднял жуткий рев: кому же отдавать торт? Я пообещала отдать торт Малышу, когда он вернется от Карлсона. Таких случаев за эти годы – десятки. У меня, например, собралась целая коллекция игрушек, подаренных моими зрителями. А как девочки щечку для поцелуя подставляют! Умора. Все принимают всерьез. Я – Малыш, и никуда от этого не деться.

– Может быть, именно эта роль делает вас такой молодой? Что-то не верится, что всякие женские штучки тут помогают.

– Точно. У меня есть один секрет, могу поделиться. Я абсолютно не злой человек. У меня вообще философия такая: чем больше человек сделает

они никогда не дождутся от меня злых реакций. Я их жалею. Злоба уничтожает личность, для актрисы же губительна вдвойне. А насчет нищих вы правы: подаю всем, когда есть что подать. Я, например, знаю, что такое голод, поэтому не задаю вопросы, куда мои деньги пойдут. Если человек просит, значит ему надо. Так меня бабушка Агриппина воспитывала, совсем простая женщина. Мы с ней вдвоем жили, мама умерла, когда мне года не было. В двадцать лет я так возгордилась, когда в Детском театре сыграла роль Питера Пэна. Нос задрала, как же – такой успех. А бабушка меня тогда охладдила: у тебя на лбу не написано, кем ты работаешь – человеком быть надо. Вот это я на всю жизнь запомнила.

Бывают, конечно, трудные, зачастую трагические моменты в жизни. Считаю, что их необходимо пережить достойно, в одиночку, никому не навязывая своих проблем. Я справляюсь с ними по-своему: ухажу в книги, музыку, обожаю природу, путешествия. С детства художества увлекалась, роспи-

сью по ткани. Поступила сразу после школы в художественное училище, но заниматься там не стала, пошла все же в театральную. А вот увлечение осталось со мной. К сожалению, ничего не могу вам показать, потому что все раздала друзьям. Пишу стихи и прозу. Люблю петь. В общем, сплю мало – часов пять от силы...

И все же главный мой кайф – сцена. Момент, когда ты можешь зал "забрать в кулак", ни с чем не сравним. Такая эйфория, такой полет! Никакие блага мира не заменят этого. Вообще-то актеры люди не совсем нормальные, и я в их числе. Готова работать даже бесплатно, лишь бы работать...

– Ваше амплуа – трагедии, начинали в Центральном детском. Как оказались на "звездной" сцене Театра сатиры?

– Пригласили специально на роль Малыша. Спектакль тогда только поставили, но из театра уходила исполнительница роли Бронислава Захарова. Режиссер Маргарита Микаэляновна пошла на "Питера Пэна" и "присмотрела" Малыша. Тогда Детский покинула Мария Осиповна Кнебель, и мне стало как-то неуютно. Поэтому без колебаний согласилась на предложение и ни разу об этом не пожалела. Подумать только, я выходила на сцену с Андреем Мироновым, Анатолием Папановым! Вот вы сказали "звездный" театр. Это так, конечно. Но какие люди у нас работали и работают! Удивительно доброжелательные, участливые, поэтому у нас в театре царит атмосфера дома, где тебе всегда рады и готовы помочь. Никаких интриг, грязных историй. У нас ни одного артиста не уволили по возрасту. Мало того. Валентин Николаевич Плучек старается, чтобы пожилой артист не просто числился в труппе, а обязательно выходил на сцену...

– Тамара, в связи с этим задам трудный вопрос. Для трагедии проблема возраста стоит гораздо острее, чем для "нормальных" актрис...

– А я знаю, что это трагическое амплуа. Ты еще многое можешь, а тебе говорят: все! Морально я к этому готова, но, пожалуй, у меня есть пути к отступлению. Жизнь-то на этом не кончается. Я все же во взрослом театре работаю. Ну не смогу играть мальчишковых девочек, так найдется другая работа, надо только искать в себе какие-то иные возможности. Вот и сейчас я репетирую новую роль, такой у меня еще не было. Активно, знаете ли, выхожу за рамки своего амплуа. А вдруг получится?

– Ну отчего же вдруг? Точно получится!

Ирина ШВЕДОВА.

На снимке: сцена из спектаклей "Малыш и Карлсон".